

Моей маме

ОДИН

В тот день часы пошли назад. Именно тогда я решил его убить.

Я играл в футбол с Барри Моссманом, Беном Симпсоном и Карлом Хеджли. Это мои школьные друзья. Гэвин Лэтам тоже должен был прийти, но мама повела его стричься. Мы гоняли мяч в парке у кладбища. Тупо били угловые и одиннадцатиметровые. Нормально-то вчетвером не поиграешь.

Потом стемнело, и мяч стало еле видно. Я сказал Барри, что лучше бы он сегодня взял белый. И мы разошлись по домам. Обычно я езжу на велике, но в тот день у меня была спущена шина. Всю дорогу до дома я стучал мячом об землю. Набил триста восемьдесят семь раз. Шел и считал. Несколько раз чуть не сдался, но так идти было веселее, все какое-то занятие.

Я обошел дом, вошел в ворота и оказался у задней двери. Мама всегда оставляет ее открытой, когда я гуляю. Не успел открыть, как что-то услышал. Плач. Громкий плач, такой иногда по телику можно услышать. Сначала я подумал, что, может, это и есть телик. Положил мяч возле мусорного ведра с педалью, прошел в гостиную и заглянул внутрь. Телик был выключен. Черный экран. И никого.

Я прислушался. Плач доносился со второго этажа. Голос чем-то напоминал мамин, но звучал странно, то затихал, то через секунду начинал нарастать, будто кто-то крутил туда-сюда ручку громкости. Я медленно пошел вверх. На цыпочках подкрался к двери комнаты и прислушался. Вот откуда шел звук. Точно мама. От ее плача в животе выросла воздушная яма, как когда катаешься на американских горках. Кажется, я понял, что произошло.

Но надеялся, что ошибаюсь. Нужно было все выяснить. Я набрал в легкие воздуха и повернул ручку.

Заперто.

С чего ей понадобилось запирать дверь спальни?

Я постучал.

— Мам.

Она не услышала, так громко плакала.

— Мам, это Дэнни! Что случилось? — проорал я.

Плач тут же стих.

— Иди вниз, Дэнни! — крикнула она. Ее голос напугал меня даже сильнее, чем слезы.

— Мам, ты норм?

Идиотский вопрос.

— Да.

Идиотский ответ.

Знамо дело, она обманывала. Когда все в порядке, не будешь так реветь. Только если по телику показали что-то реально грустное. Или кто-то умер. Человек или, там, домашнее животное.

— Ты поранилась?

— Дэнни, прошу, уходи.

Может, я и хотел уйти.

Но нет.

— Что случилось?

— Ничего.

Я знал: что-то произошло. Даже тряпка какая-нибудь так не плачет, а мама моя вообще не из таких. Я видел, как она однажды заорала на мужика в супермаркете. В отделе чипсов. У него татуха была на всю лысую башку. Он с силой толкнул мамину тележку и даже не извинился, только взглядом ее смерил. Она закричала на него, скрестив руки на груди. Не спасовала. Я капец как ей гордился.

— Чаю хочешь, мам?

Не помню, чтобы она хоть раз в жизни отказалась от чашки чая.

— Нет.

Подозрительно.

— Где Каллум?

Я услышал смешок. Так смеются те, кому совсем не смешно.

— А ты как думаешь? — сказала мама.

Я знал ответ.

— Позвонить тете Тине?

— Нет.

— Дяде Грегу?

— Нет.

— Может, дяде Мартину?

— Нет! — еще громче крикнула мама. — Я хочу, чтобы ты ушел.

И снова заплакала.

Я только хотел узнать, что стряслось, и все. Но она моя мама, так что я послушался. Спустился на первый этаж и включил телик. Надеялся посмотреть футбол, но так и не нашел его ни на одном канале. Чисто невезучий день, футбольные матчи ведь постоянно где-то показывают. Наткнулся на программу про львов. Обожаю львов. Они дрались на экране. Я сделал погромче. Рев заглушал мамин плач.

Пора было пить чай. Но никакого чая не было в помине. Впервые у нас такое. За всю жизнь. Мама мне всегда чай делает, даже когда простыла или перебрала красного вина. Но в тот день я даже был рад, что чай не готов. Не испытывал ни капли голода. Нельзя есть, когда внутри все сжалось как кулак. Когда понятия не имеешь, что с твоей мамой.

Мне стало скучно смотреть, как львы бьют друг друга лапами, и я позвонил Эми. Даже от звука ее голоса мне обычно делается легче. Но ее телефон был вне зоны доступа. Я оставил сообщение, мол, надеюсь, ты в порядке.

Выглянул в окно. На улице совсем стемнело. Вот что бывает, когда переводишь часы. По-моему, тупая затея. Зачем пить чай в темноте, если еще вчера в это время было светло? Вообще смысла ноль. Еще посмотрел телик. На этот раз выключил звук, чтобы слышать маму. Там шел

матч по регби. Не люблю регби. А без звука так вообще беспонтовая чушь.

Стоило мне подумать, что уже ничего не произойдет, как на лестнице послышались тихие шаги, как будто к нам залез грабитель. Это мама спускалась, чтобы приготовить мне чай.

— Мам?

— Сынок, сиди, где сидишь, — сказала она. — Прошу тебя.

Я услышал, как шаркают по полу ее шлепки, будто она тащит что-то тяжелое. Потом она высморкалась.

Мама попросила меня оставаться на месте, но я не мог. Надо было узнать, что с ней. Я тихо-претихо открыл дверь и пошел по коридору, как в замедленной съемке. Дверь в кухню оказалась закрыта. Я испугался. Так бывает в фильмах ужасов, когда не знаешь, что ждет тебя в комнате. Я повернул ручку, легонько толкнул дверь и заглянул внутрь.

Мама просто стояла спиной ко мне и смотрела в темное окно. Но поворачиваться ей было необязательно. Я увидел отражение ее лица в оконном стекле, все в огромных синяках, под одним глазом виднелся фингал, черный, как небо за окном.

Мама потянулась за бумажным полотенцем и сплюнула в него. Белая бумага окрасилась красным.

Она наклонилась над раковиной, держась руками за живот, будто ее прихватило, и снова начала плакать.

Тогда я понял, что должен его убить.

ДВА

Кто как, а я свою маму люблю.

И очень кстати. Мы много лет жили вдвоем в одной квартире. Никаких родственников. Никаких бойфрендов. Без других детей или квартирантов. Только мы вдвоем.

Думаю, ради меня она сделала бы все что угодно. Всегда покупает к чаю какую-нибудь вкусняшку, которую можно разогреть в микроволновке. Всегда разрешает брать свой ноут. Всегда следит, чтобы моя футбольная форма была чистой. За носками опять же следит. Всегда покупает мне на день рождения то, что я больше всего хочу, даже когда не при бабле. И каждый вечер обнимает меня перед сном, даже если я ну вообще не заслужил. Мало кто из мам так поступает.

Наверное, я иногда дико ее бешу, но она просто скрещивает руки на груди и начинает тяжело дышать. Вообще почти не выходит из себя. На меня и в школе неплохо орут, так что я рад жить в пространстве, полностью свободном от ора.

Зуб даю, маме втайне хотелось бы иметь не сына, а дочь. Но если и так, она никогда этого не показывает. Тупо слушает мои рассказы про футбол с таким выражением лица, типа «господи, лучше б ты о чем другом рассказал». Я с таким же лицом терплю ее монологи про шмотки.

Но мама не только добрая, она еще и капец красивая. Невысокая, но очень прикольная. Думаю, она даже моделью могла бы стать, если б не любовь к шоколадным печенькам. Не представляю, правда, чтобы она от них когда-нибудь отказалась. Это ее главный наркотик.

— Дэнни, сейчас же заberi их у меня, — говорит она. Раз не хочет, так зачем тогда вообще берет, а?

Короче, вместо того чтобы работать моделью, она сидит в колл-центре. У мамы дико приятный голос. Думаю, благодаря этому ее и взяли на такую работу.

Когда я был маленький, мы с ней жили у бабушки с дедушкой, в районе Данстон. Мне там нравилось. В доме вечно было полно народу, соседи, друзья, родственники заглядывали по поводу и без, и всегда было шумно. Бабуля такой человек, постоянно что-то говорит, и темы у нее не заканчиваются. Если бы болтовню сделали олимпийским видом спорта, она бы точно золото взяла.

Но когда мне было около девяти лет, нам пришлось съехать.

— Будем искать другой дом, Дэнни. Нам тут уже тесновато.

У бабушки мы с мамой жили в одной комнате. Она сказала, что теперь я вырос и пришло время переезжать в отдельное жилье. И вот она обратилась в муниципалитет, и ей дали квартиру в районе Лоу-Фелл.

У муниципалитета миллион квартир и домов. Не представляю, почему они выбрали для нас именно ту квартиру. Ничего общего с домом бабушки. Никакого сада. Никакого второго этажа. Просто четыре комнаты. Пять, если считать туалет. Зимой было так холодно, что дома нам приходилось одеваться, как на улицу, чтобы не замерзнуть. И по стенам текло не пойми с чего. Но кое-что мне там все же нравилось: у меня была своя комната и жили мы прямо около школы, так что по утрам я мог до упора валяться в постели.

К нам особо никто не приходил. Может быть, стульев было маловато. А может, мама стеснялась холода и влаги на стенах. Я скучал по людям, которые приходили к бабушке. И саму бабушку я теперь очень редко видел. Жалко. Бабулю я люблю почти так же, как маму. Она обожает обниматься. И дедулю я тоже люблю, хоть он ни с кем и не обнимается — у него деменция.

Но мы все равно виделись. Когда у кого-то был день рождения или что еще, мы все собирались дома у маминей сестры. Тетя Тина совсем не такая, как мама. У нее машина, понтовый дом и голос выпендренный. Тетя Тина живет далеко, на другом берегу реки Тайн, и дом у нее такой огромный, что без уборщицы не обойтись. У дяди Грега, наверное, самая крутая работа на свете. Ну или он какой-то преступник. У них двое детей, Табита и Маркус. Тоже выпендренники те еще.

Есть еще родственники, с которыми мы редко видимся, например, мамнины двоюродные, они живут в Манчестере,

и ее брат, дядя Мартин. Он потерял работу и уехал с женой, тетей Шилой, в Дарлингтон. Детей у них нет. Может, поэтому они всегда так рады меня видеть. Люди, у которых нет собаки, тоже всегда радуются, когда видят пса.

Короче, наша с мамой жизнь была, конечно, не такой, как в кино показывают, но все равно прикольной. У меня были друзья. Футбол. Родственники. У меня была мама. Она любила меня. Я любил ее. Я был бы счастлив, если бы так продолжалось до бесконечности.

Но потом весь мир разом перевернулся вверх тормашками.

ТРИ

Не могу вспомнить, когда конкретно он появился в нашей жизни, он просто взял и возник. Кажется, около года назад.

Мама нашла его по интернету. Вот его не было, а вот он уже тут как тут. Тогда, в самом начале, я еще не хотел его убивать. Сначала все было хорошо. Он казался обычным чуваком, ничего особенного.

Он был крупный. Огромные руки, отвисший подбородок, живот, выпирающий из-под ремня, как одеяло, что свисает с края кровати. Акцент выдавал, что он не из наших мест, может быть, откуда-то с юга, типа Лондона. У него были темные кудрявые волосы, маленькие голубые глазки и большой рот под стать большому подбородку. А еще он все время улыбался. Помню с самой первой встречи эту его слащавую улыбку во все зубы, будто он без перерыва пилил селфи. Звали его Каллум Джеффрис.

Не знаю, что он делал в нашем городе. Я не спрашивал. Он говорил, что занимается компьютерами. Думаю, он был большой начальник. Очень быстро печатал, хоть пальцы у него и были жирные. Мама плохо разбирается

в компьютерах. Я лучше, но Каллум явно меня в этом деле превзошел. Вроде так и должно быть. Это же его работа.

К нам он не переехал. В квартирке едва хватало места для нас с мамой. Так что сначала они все время куда-то ходили вдвоем: в паб, в кино, ездили к морю, куда-то там еще.

Мама прямо с ума по нему сходила. Они вечно держались за руки, наглаживали друг другу руки и ноги, пилились друг на друга, как будто обнаружили новое чудо света. Когда он был далеко, мама звонила ему и разговаривала своим телефонным голосом, как в рекламе, когда пытаются втоухать зрителям то, что им на самом деле вообще не нужно. А вечерами они лежали на нашем маленьком диване, запутавшись руками и ногами, как рестлеры, и их тела напоминали осьминогов или мотки веревки.

Я был счастлив, что мама счастлива.

Когда Каллум только появился в нашей жизни, он был дико дружелюбным. Гладил меня по голове, как маленького, и давал карманные деньги со словами: «Это тебе, Генерал». Мама вечно пыталась его остановить, но он все равно делал по-своему.

Они с мамой виделись всего несколько раз, когда он спросил, не хочу ли я покататься с ним на машине. У него был здоровенный «Рендж-Ровер».

— Ага, — сказал я.

Мы пересекли реку и поднялись к Валу Адриана. Каллум сказал, что всегда хотел проехаться по настоящей римской дороге. Римляне точно сделали бы на ней парутройку лежащих полицейских, если б знали, что он сюда наведается.

— Готовься ко взлету, Генерал.

Он втопил в пол педаль газа, и мы сорвались с места. Никогда не видел, чтобы кто-то так быстро ездил. Римляне не заботились о таких скучных вещах, как круговая развязка или, там, повороты. Их дороги были тупо прямыми, как линии разметки на футбольном поле. Я тайком взглянул на спидометр. Сто семьдесят километров в час.

— Ю-ху-у! — прокричал он, когда мы обогнали ехавший по дороге минивэн, как будто тот был просто припаркован у обочины.

Каллума прям распирало от счастья.

Мы попали колесом в ямку, и, клянусь, мой желудок подскочил аж к мозгам. Это была самая безумная поездка на машине в моей жизни.

— Не страшно, Генерал?

— Не-а.

Да.

— Ждешь не дожدهшься, когда сам сможешь так гонять, да?

Да уж спокойно обойдусь.

Не понимаю, чего ему было так гнать. Он ведь даже никуда не спешил. Но неся тем не менее как ужаленный.

— Ну как, мальчики, хорошо покатались? — спросила мама, когда мы вернулись.

— Ага, прикольно.

— Кажется, Генерал хочет стать летчиком-испытателем.

И все мы рассмеялись. Правда, я неискренне. Я не мог до конца понять, как мне относиться к маминому новому бойфренду. Он явно хотел, чтобы мы стали добрыми приятелями. Давал мне карманные деньги, трепал по волосам, брал с собой кататься, Генералом называл. Как будто очень хотел мне понравиться.

Однажды в выходные Каллум пригласил нас в свой дом в Уикхеме. Я аж обалдел. Там был гараж на две машины, сад со всех сторон и ни единого соседа ни сверху, ни сбоку. Я решил, что у него, должно быть, самые быстрые в мире пальцы, раз он смог позволить себе такие хоромы.

Я видел, что маме тоже очень нравится. Она с такой улыбкой открывала все сверкающие ящички и шкафчики, будто смотрела в интернете видео с котятами.

— Здорово, да, Дэнни? — сказала она.

— Ага, топчик.

Я поверить не мог, что она нашла себе парня, у которого все это есть. Может, благодаря своему голосу?

Мы зашли к нему на кухню. Она оказалась больше нашей гостиной.

— А это для чего? — спросил я, указывая на забавный краник.

— Это для воды. Тут вода без газа, с газом и горячая. Гениально же?

— Один из них тебе точно не помешал бы, — сказал я маме. — Ты столько чая пьешь.

— Наглый ты болтун. — И она обняла меня, намекая, что говорит не всерьез.

Но самое лучшее в доме находилось в гостиной. Телек Каллума. Огромный, едва ли не во всю стену. Клянусь, даже в центральном торговом центре я не видал телеков такого размера. Кажется, Каллум заметил, как у меня глаза из орбит полезли. Тогда он включил его и протянул мне пульт. Все каналы, которые мы с мамой не могли себе позволить, здесь были в свободном доступе.

— Футбол на таком ты бы точно не отказался посмотреть, да? — сказала мама.

Сто проц.

Мы осмотрели оставшиеся комнаты. Обычно я не знаю, что сказать о домах, комнаты и комнаты, но, признаюсь, хата у Каллума была даже лучше, чем у тети Тины. Никогда не видел маму в столь радостном возбуждении. С таким восторгом она только на новые туфли смотрит.

В доме было идеально чисто, как будто там никто не жил. Наверняка здесь на тебя наорут, если осмелишься зайти внутрь в грязных ботах. Каллум явно был помешан на уборке.

Я узнал о нем и кое-что еще. Он любил шуточки шутить.

Мама была внизу, ела свои шоколадные печеньки.

— Ты бы поосторожнее, детка, — сказал он.

— В смысле?

— Я про твою задницу. И у слонов-то не всегда такой зад увидишь.

И мы с Каллумом рассмеялись.

ЧЕТЫРЕ

Случилось нечто сумасшедшее.

Не в смысле «ха-ха, прикольно», а скорее из области фантастики.

Не успела мама найти себе бойфренда, как я нашел себе девушку. И не то чтобы я ее искал. Она сама взяла и нашлась.

Однажды, когда я катил велик через школьные ворота, ко мне подошла Эми Рейнолдс.

— Привет, Дэнни, — сказала она.

Я понятия не имел, с чего это Эми со мной заговорила. Она такая крутая и шустрая, третья девчонка по красоте в классе. У нее короткие светлые волосы, голубые глаза и улыбка, по которой сразу видно, что Эми пользуется электрической зубной щеткой. Эта девчонка так мне нравилась, что я ни разу с ней нормально не разговаривал.

— Что делаешь? — спросила она.

— Качу велик. Иначе упадет.

Эми рассмеялась, шагая рядом со мной.

Я не знал, что дальше делать. Мог бы сесть на велик, но тогда пришлось бы ехать супермедленно, и я бы, скорее всего, навернулся. Решил и дальше его катить. Одно ее присутствие рядом дико меня волновало, и сердце колотилось так сильно, что я слышал его стук в ушах.

— Хочешь сходить в субботу в кино? — сказала она.

Я чуть велик не уронил.

— Я?

— Нет, я разговариваю с воображаемым другом. — Она опять засмеялась. — Да, конечно, ты, Дэнни.

Я чувствовал, как кровь прилила к лицу.

— Ага, было бы прикольно, — сказал я без особых эмоций, будто ничего такого уж важного не происходит, хотя происходило просто самое важное в жизни. Меня пригласила в кино Эми Рейнолдс. Та самая Эми Рейнолдс. Очуметь.

— Встретимся у кинотеатра в Метро Центре в час дня.

Я надеялся, она выберет сеанс попозже. По телику должны были транслировать матч с участием команды «Ньюкасл Юнайтед», начало в полпервого.

— Ага, отлично, — соврал я.

— Тогда увидимся, Дэнни, — сказала Эми и как ни в чем не бывало пошла вперед.

Я аж остолбенел, застыл, как эскимо на палочке. Я вообще понятия не имел, что нравлюсь Эми. Ну то есть видел, как она мне иногда улыбается, но ни на секунду не заподозрил, что это что-то значит, что это не просто улыбка. Получается, Эми думала обо мне и ее мысли совпадали с моими, когда я смотрел на нее. Ну, может, конечно, были не такими порочными.

Тут меня ткнул в бок Барри.

— Что с тобой, чувак? Привидение увидел?

— Просто замечтался, — сказал я в ответ, глядя на удаляющуюся фигуру Эми.

Барри проследил направление моего взгляда.

— Мечтать не вредно, Дэнни. Тут у тебя ноль шансов. Я попытался скрыть улыбку. Но не смог.

Время тянулось супермедленно. Но в конце концов суббота настала и я поехал на автобусе в Метро Центр. Маме я не сказал, куда иду. На самом деле я вообще никому не сказал, вдруг свидание обернется катастрофой. А еще меня немного тревожило, что Эми сама подошла и пригласила меня в кино. Разве это не парень должен делать? Если Барри или кто-то еще спросит, скажу, что сто лет это все планировал.

Я шел сквозь толпу народа и наконец заметил Эми, которая высматривала меня среди людей. Она выглядела совсем не так, как в школе. Высокие каблуки, макияж, кожаная куртка и джинсы настолько в обlipку, что даже Тони Хескилл, самый озабоченный пацан в классе, не смог бы засунуть в них руки. Кажется, она и с волосами что-то такое сделала, но я все же решил не упоминать об этом на случай, если мне показалось.

Я обычно не особо наряжаюсь, когда иду в кино. Какой смысл? Все равно в зале темно. Но сегодня другое дело. Я начистил ботинки, отыскал лучшую пару джинсов и рубашку, которую мама заставляет меня надевать на вечеринки.

— Привет, Дэнни. Классно выглядишь.

— А ты выглядишь великолепно. — Не знаю, откуда взялось это слово, но Эми, по-моему, такое определение понравилось, и она улыбнулась.

Я хотел ее поцеловать, но вокруг было слишкомлюдно. И вообще, мне пришлось бы тогда на цыпочки вставать. Эми гораздо выше меня, как почти все в классе. А теперь, когда она надела каблуки, я будто бы шел рядом с великаншей. Обалденной великаншей. Я быстро ее обнял, как обнимают товарища по команде сразу после того, как тот забил гол.

Мы пошли смотреть фильм, но, честно говоря, я мало что запомнил, потому что близость Эми вообще не давала сосредоточиться на сюжете. Мы оба сняли куртки, и наши голые локти на подлокотнике соприкасались. Это не имеет отношения к порно, я в курсе. Ничего такого в фильмах у Барри на телефоне не показывали. Но, клянусь, меня никогда и ничто в жизни так не заводило, как тепло ее локтя рядом с моим.

Фильм закончился, и мы вышли из зала.

— Мне понравилось, — сказала Эми.

Не знаю, что она имела в виду, кино или контакт наших локтей.

— Да, круто.

Потом Эми встала ко мне очень близко. Прямо ближе некуда. Я и не думал, что можно одновременно испытывать счастье, возбуждение и легкую тошноту, но именно так я себя тогда и чувствовал. Ну вот, подумал я. Сейчас она меня поцелует. Прямо посреди Метро Центра.

— Хочешь, выпьем горячего шоколада? — спросила она.

Ну естественно.

— Ага, — ответил я, изо всех сил изображая энтузиазм. — Горячий шоколад. Отличная идея.

Мы вместе пробились сквозь толпу посетителей торгового центра и нашли кафе. Я был так счастлив рядом с Эми, что забыл проверить, как сыграли «горожане»¹. Эми заняла столик, а я пошел за горячим шоколадом для нас обоих. Сделав глоток, Эми пристально посмотрела на меня, будто пыталась загипнотизировать. У нее были самые красивые глаза во всей параллели восьмых классов. Я теперь чуть ли не жалел об этом, потому что у меня вдруг случился самый мощный в жизни стояк.

— Принеси, пожалуйста, ложку, — попросила Эми.

Вот же блин.

И чего я длинную куртку не надел?

— Ложку?

— Ага. Помешать шоколад.

Мозг ушел на каникулы. Я никак не мог сообразить, как мне выйти из своего затруднительного положения. Прежде чем Эми решила, что я реальный псих, мне в голову пришла кое-какая мысль.

— Там, случайно, не Хлоя? — сказал я.

Эми повернулась проверить, а я тем временем опрокинул свой напиток на стол.

— Вот черт, — произнес я, глядя на шоколадную лужу, которая начала капать с края стола мне на колени.

Эми подскочила и вернулась с салфетками для меня и ложкой для себя. Я посмотрел на свои брюки. Казалось, что я обделался, только спереди.

— Что случилось? — спросила Эми.

Я дико возбудился, сидя напротив тебя. И чтобы не позориться и не чапать, согнувшись в три погибели, через все кафе тебе за ложкой, я вылил горячий шоколад прямо себе на штаны.

— Ничего.

Я как мог вытер джинсы.

Эми помешала шоколад. Потом она протянула руку через весь стол и дотронулась до моей руки.

¹ «Горожане» — неформальное название футбольной команды «Ньюкасл Юнайтед». — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Ты мне очень нравишься, Дэнни. Ты милый.

Мне казалось, милыми называют только щенков, но я не собирался ни с того ни с сего превращаться в учителя английского: «Рейнолдс, разве вы не могли выбрать более подходящий лексический вариант?» Милый так милый, мне норм.

— Спасибо. Ты, по-моему, тоже милая, — сказал я, и голос мой сорвался и стал высоким, как у мамы.

Я не знал, что делать дальше, так что просто широко улыбнулся. Наверное, это я правильно придумал, потому что Эми взяла в свои ладони и вторую мою руку.

— Расскажи мне что-нибудь о себе. То, чего я не знаю, — сказала Эми.

У нее были такие горячие руки, что я терял способность ясно мыслить.

— Я могу начеканить мяч двадцать шесть раз.

— Ну нет, что-нибудь более личное.

Не знаю, что именно она имела в виду, но рискнул.

— Мы с мамой живем вдвоем. Но недавно у мамы появился бойфренд.

— Здорово.

— Ага, прикольный вроде чел. Зовет меня Генералом.

— Но ты же не собираешься на войну, да?

— Ростом не вышел. Пули и те больше меня.

— Ты такой смешной, Дэнни.

Я обрадовался, что она так считает. Самому мне казалось, что я несу какую-то чушь.

— А теперь ты расскажи что-нибудь личное, — сказал я. Эми изменилась в лице.

— Кажется, я нашла бойфренда.

У меня так пересохло в горле, что я едва мог говорить.

— Серьезно?

— Немного неловко в этом признаваться, но его называют Генералом.

Она наклонилась ко мне через стол. Наши носы столкнулись, но губы все-таки смогли встретиться.

Вот так я взял и нашел себе девушку.

ПЯТЬ

Я рассказал маме про Эми.

Она дико за меня обрадовалась. Стала задавать кучу вопросов. Наверное, мои ответы ей нравились, потому что она просто стояла и улыбалась. А потом улыбка вдруг исчезла с ее лица.

— Только не наделай глупостей, Дэнни.

Я понял, к чему она клонит.

Когда мы с мамой переехали к Каллуму, прошло совсем немного времени с тех пор, как мы начали встречаться с Эми.

Мне было немного грустно уезжать из нашей старой квартирки. Жили мы почти как в холодильнике, но чем-то мне такая жизнь все-таки нравилась. Назад пути не было. Там теперь живет кто-то другой. Нужно двигаться вперед. Так все время говорила моя мама.

Я хотел повидаться с Эми в день нашего переезда, но мама сказала, что это еще успеется, а ей очень нужна моя помощь.

— Ладно, мам, — сказал я.

Не хотел ссориться.

Каллум взял в аренду фургон, чтобы перевозить наши вещи, но большая их часть до его дома даже не доехала. Закончила свои дни на свалке. Какой смысл брать всякую рухлядь в такой дом, как у него? Всего нам пришлось сделать пять ездов. К концу дня я падал с ног от усталости. Каллум сунул мне в карман десятку.

— Это тебе подарок в честь переезда, Генерал, — сказал он и потрепал меня по голове.

— Пасиб.

Потом мама пошла в магазин за продуктами.

— Хочешь, сходим в парк? — спросил Каллум.

— Ага.

Первым делом мы пошли и купили мне мяч.

В футбол Каллум играл отстойно. Не мог удержать мяч. Как будто впервые в жизни его видел.

— Ты за какую команду болеешь? — спросил я.

— Ни за какую.

Все с ним понятно.

Он сказал, что любит «Формулу-1». Я ответил, что не люблю. Дальше разговор особо не клеился.

Немного поиграв, Каллум никак не мог отдышаться и поэтому сел на скамейку и нырнул в смартфон. Я тренировался бить угловые.

Когда мы вернулись, мама убиралась на кухне.

— Ты распаковал свои коробки, Дэнни?

— Не-а.

— Я этого делать не буду, даже не надейся. С сегодняшнего дня я хочу, чтобы в твоей спальне были чистота и порядок. Мы живем в потрясающем доме. Давай будем его уважать.

— Я попозже.

— Нет, прямо сейчас.

Однако в тот день разозлилась не только мама. Тогда же я впервые увидел, как Каллум реально озверел, я не преувеличиваю. После того как последняя коробка была разобрана, он сказал:

— Хватит на сегодня работы, поехали поедем рыбы с картошкой фри.

На шоссе на Каллеркотс с боковой дороги в нас чуть не врезался какой-то лихач. Каллум вильнул в сторону, потом резко затормозил, а мы с мамой летали туда-сюда по салону, как тряпичные куклы.

— Вот маньяк! — заорал Каллум.

За рулем оказалась совсем молоденькая девушка. Но Каллуму было по барабану. Он погнался за ней, как какой-то коп. Висел у нее на хвосте и моргал фарами.

— Каллум, — говорила мама.

Но он не слушал. Мне был виден его рот в зеркале заднего вида. Улыбка исчезла, и губы теперь были плотно сжаты, как ноутбук с закрытой крышкой.

— Остановись, — сказала мама. — Я прошу, стой.

Но он и не подумал. Наоборот, он разгонялся все сильнее, пока не обогнал девушку. Встроился прямо перед ней и ударил по тормозам. Бах! Я не был пристегнут и сильно ударился носом об мамин подголовник. Больно было — жуть.

Каллум вылез из машины и направился к машине девушки, потрясая в воздухе кулаком и выкрикивая все бранные слова, которые мог вспомнить. Своим громадным ботинком он пнул ее дверцу. Я подумал, что девчонка дико перепугается. И зря. Она вышла из машины и заорала в ответ:

— Да как вы смеете? Я же показывала фарами, что собираюсь выезжать! Это вы неслись как ненормальный! Возьмите-ка пару уроков вождения, вам не помешает!

Каллум показал ей средний палец, залез обратно в машину и очень быстро уехал, как будто участвовал в гонке.

— Вот поэтому, Дэнни, женщине никогда и не выиграть в «Формуле-1», — сказал он, смеясь.

Мы поели рыбы и картошки. Вкусно было отпад. Но я заметил, что мама ела без аппетита. А еще они с Каллумом почти не разговаривали, только смотрели на спокойное плоское море.

Когда мы вернулись с побережья, я первым делом пошел к себе в комнату и сделал то, о чем просила мама, то есть попытался там прибраться.

Потом я увидел, как мама и Каллум обнимаются в холле. Наверное, она простила его за то, что он вышел из себя. А потом Каллум решил устроить вечеринку в честь новоселья. Он врубил музыку на всю громкость, купил чипсы, орешки, пиво и все такое прочее и вместе с мамой начал отплясывать на кухне. Прикольно было на них смотреть: он делал своими огромными руками такие движения, будто руки ему надоели и он решил от них избавиться, а мама мелко перебирала ладошками, словно запертая в невидимой коробке. Я очень радовался, глядя на ее танцы и смех. Не помню уже, когда я последний раз видел маму такой. Наверное, в доме у тети Тины после Табитиных крестин.

Наконец мама упала в кресло. Ее лицо покраснелось, как будто она только что пробежала кросс.

— Я бы уже прилегла, — сказала она.

— Но мы еще шампанского не выпили, — сказал Каллум, доставая бутылку из холодильника.

— Давай оставим ее до следующего раза.

— Нет, выпьем сегодня, в наш особый день, — сказал он. — Я ее специально на новоселье купил.

— Но я не хочу шампанского.

— Я не пойму, у тебя что, со слухом плохо? Я говорю, сегодня особый день, — ответил Каллум голосом школьного учителя.

Он снял фольгу и начал трясти бутылку. Пробка вылетела, едва не задев мамину голову.

— Каллум, — сказала мама.

Если он и сожалел о случившемся, то ничем этого не выдал. Он просто обрызгал маму шампанским с ног до головы, как делают победители «Формулы-1» на пьедестале почета. Мама вообще нисколько не радовалась, она с недовольным лицом вытирала платье полотенцем, а Каллум тем временем хохотал и веселился.

Он налил шампанского в бокал и протянул его маме. Мама не взяла.

— Я налил, значит, ты должна пить, — сказал он прямо ей в лицо, подойдя максимально близко.

Мама дрожащей рукой взяла бокал и отхлебнула. Несмотря на то, что давно хотела лечь спать. Несмотря на то, что не хотела шампанского.

Таким был день нашего переезда.

ШЕСТЬ

Рождество. Вот уж денек, который я точно не забуду.

Утром мы с мамой получили столько подарков, что я решил: Каллум банк грабанул. Мне подарили горный велик последней модели, первый в жизни мобильник, худи

с принтом «горожан», фотоаппарат, футбольные шорты и, что самое крутое, ворота для игры на заднем дворе. Когда мы с мамой жили вдвоем, я всегда получал всего один подарок, а еще плитку шоколада и мамино объятие.

Мама тоже нашла под елкой кучу всего. Духи, одежду, какие-то ремешки, ожерелья и все такое прочее.

— Не стоило, — сказала она.

— Ладно, завтра обратно в магазин отвезу.

И они оба рассмеялись и давай целоваться, аж с открытыми ртами, как будто делали друг другу искусственное дыхание «рот в рот». И так долго, что мне пришлось удалиться.

Я оделся и на новом велике поехал вниз по Уикхем-Бэнк к дому Эми. Ее дом был поменьше, чем у Каллума, но тоже прикольный. Дверь открыла мама Эми. На ней были клетчатые пижамные штаны, пушистый джемпер со сверкающим снеговиком на груди и смешная шапочка. Что сказать, Рождество людям полностью головы отшибает.

— Счастливого Рождества, Дэнни, — сказала она, а потом обняла меня и расцеловала.

Мне нравятся родители Эми. Кажется, у них никогда не бывает плохого настроения. Может, они, конечно, просто ждут, пока я уйду. А еще они вроде рады, что Эми встречается со мной. По крайней мере, мне она говорила именно так.

— Заходи, — сказала ее мама.

Я прислонил велик к стене дома и прямо так и оставил. Решил, что воры не угоняют велики в Рождество. Точняк — слишком заняты распаковкой украденных подарков.

— Эми там прихорашивается наверху. Хочешь попить или, может быть, рождественского пирога?

— Нет, спасибо, миссис Рейнолдс.

Я остался ждать в гостиной. Атмосфера там была до того рождественская, что дальше ехать некуда. Откуда-то раздавался звон колокольчиков, пушистая елка сверкала мишурой, горел камин, а на полу играли со своими подарками девятилетний брат Эми, Тайлер, и ее четырехлетняя

сестренка Элли. Глядя на них, я пожалел, что у меня нет брата или сестры.

Через пару минут я услышал топот ног по лестнице.

— Счастливого Рождества, Дэнни, — сказала Эми, вбегая в комнату с широкой улыбкой на лице.

Она выглядела еще шикарнее, чем обычно. Я хотел обнять Эми покрепче, но ее брат и сестра глазели на нас и ждали, что же будет дальше.

— Пойдем на улицу, — сказала Эми.

Она схватила меня за руку и повела через кухню, в которой уже начинало пахнуть запеченной индейкой, к задней двери, а оттуда в небольшую аллею сбоку от дома. Там стоял садовый сарайчик. Эми открыла дверь и затащила меня внутрь.

В сарайчике было некуда ступить от всяких садовых инструментов. Мы с Эми могли там поместиться, только прижавшись друг к другу. Очень тесно.

Никогда бы не подумал, что смогу завестись в сарае для садового инструмента, но именно это и произошло.

После школы мы обычно тусуемся за церковью Пренепорочного Сердца Пресвятой Девы Марии. Только там во всем Гейтсхеде можно скрыться от глаз учащихся нашей школы. Мы держимся за руки, и Эми коротко чмокает меня в губы. Так обычно чмокают свою бабулю. И на этом все. Я думал, это потому что Эми католичка.

Но что-то в выражении ее лица выдавало, что сегодняшние поцелуи для приветствия бабушки точно не подойдут.

— Вот мой подарок, — сказал я и достал из-под свитера небольшую коробочку.

Я купил Эми флакон духов. Хотя ей они вообще не нужны. Она всегда отпадно пахнет.

— Ой, Дэнни. Как классно, — сказала Эми, срывая упаковочную бумагу и разглядывая флакон.

— Я тоже кое-что для тебя приготовила.

Ее глаза горели, когда она сделала шаг вперед, и я оказался в самом углу, рядом с газонокосилкой. Тогда Эми

поцеловала меня. Поцеловала по-настоящему. Без всяких предупреждений она засунула язык мне в рот, руки начали гладить меня по спине, а запах ее духов проник мне прямо в ноздри. Она будто бы взяла под контроль сразу все мое тело. Даже прочти я весь словарь от корки до корки, я не нашел бы нужных слов, чтобы описать свои чувства. Возможно, такие слова есть во французском языке, но я в нем полный ноль.

Я хотел бы, чтобы этот поцелуй длился вечно.

— Эми! — крикнула ее мама от задней двери. — Помоги мне со спаржей.

Эми потеряла шею. Затекла, небось, оттого, что она так долго стояла внаклонку. У меня все тело прямо подергивалось. Даже мозг как-то странно поплыл, так было однажды, когда мы с Барри выпили пиво его отца.

— Счастливого Рождества, Дэнни, — сказала она.

По дороге домой я крутил педали и улыбался шире, чем Каллум, как бы тот ни старался. Думал о том, что было бы круто остаться в сарайчике Эми на весь день. Но это было невозможно. Мы собирались к тете Тине и дяде Грегу на рождественский обед.

Тетя Тина и дядя Грег живут в квартале Даррас-Холл недалеко от аэропорта. Там обитают баснословные богачи, вроде футболистов. Некоторые дома таких огромных размеров, что с дороги их полностью не видно. На улицах нет мусора, и прохожие наклоняются, чтобы собрать в пакетик какашки своих собак. Такое вот местечко.

Мы дотуда добрались минуты за две. Каллум был за рулем.

В доме у тети и дяди тоже царила рождественская атмосфера, как в пещере Санта-Клауса. Сегодня сюда съехались мои родственники со всего северо-востока.

Я крепко обнял бабулю.

— Счастливого Рождества, Дэнни, — сказала она.

— Дедуль, ты норм? — спросил я, дотрагиваясь до дедушкиной головы.

Но он ничего не ответил. Кажется, он вообще не понимал, что настало Рождество.

Дядя Мартин и тетя Шила крепко прижимали меня к себе. А дядя Грег пожал мне руку. Как в конце футбольного матча. А еще все раскудахтались вокруг Каллума. Семья тогда увидела его в первый раз. И как мне показалось, он им понравился. Он болтал со всеми направо и налево, прямо как моя бабушка.

Мы обменялись подарками и объятиями, а потом настало время садиться за стол. Меня усадили в дальний угол рядом с Табитой и Маркусом — хуже наказание трудно себе представить.

— Дэнни, а ну-ка отложи телефон, — сказала мама.

— Зачем мне тогда вообще телефон, если им нельзя пользоваться?

— Мы пришли на обед. За обедом люди обычно общаются.

— А я ничо ни с кем не хочу обсуждать.

— Не «ничо», а «ничего», Дэнни, — сказала тетя Тина. В ее доме приветствовалась только литературная речь.

— А футбол? — сказала мама. — Поговори с Табитой и Маркусом о футболе. Ты же годами о нем одним готов разговаривать.

Но Табита была слишком мала, а Маркус увлекался теннисом. Так что я просто сидел рядом, надувшись.

После обеда, когда часть взрослых немного загудела, мы с Табитой, Маркусом, бабулей и дедулей уселись на диван и начали смотреть фильм про Джеймса Бонда. Бабуля забыла слуховой аппарат, и поэтому нам пришлось выкрутить громкость на максимум. Я боялся, что стекла на террасе повывлетают.

После того как Джеймс Бонд спас мир, я пошел погулять по дому. На кухне мне встретились мама и Каллум. Я сразу увидел, что он не в настроении. Для этого мне достаточно было взглянуть на маму, не на него.

— Я не хочу, чтобы ты садился за руль, — говорила мама, скрестив руки на груди.

— Да я и выпил-то совсем чу-чуть.

— Ты пил с самого нашего приезда.

Потом они оба заметили, что при этом разговоре присутствуют я.

— Мы с твоей мамой кой о чем не можем договориться, Генерал. Она все никак понять не может, что в нашей семье водитель я.

— Но только не тогда, когда напился, — сказала мама.

Каллум покачивался, как будто ехал в электричке и ему не за что было держаться.

— Я знаю меру, девочка моя, — сказал он, тыча ей в лицо жирным пальцем.

— Пьяным за руль нельзя, — сказал я.

Физиономия Каллума исказилась, будто он пытался предотвратить чих, и его маленькие глазки взглянули прямо на меня.

— А тебя, Генерал, это вообще не касается.

— Но я же езжу с тобой в одной машине.

— Дэнни, не суйся, прошу, — сказала мама.

— Не волнуйся, Генерал, ты же видел, как я классно вожу, — сказал Каллум и положил руку мне на плечо. — Пара бокалов картину не изменят.

Не знаю, то ли у тети Тины сверхчеловеческий слух, то ли стены в ее доме сделаны из бумаги, но она внезапно возникла в дверном проеме и при этом была в курсе происходящего от и до.

— Каллум, машину можно оставить у нас, — сказала она. У тети покраснелись щеки от зажженного камина и выпитого вина.

— Спасибо, но мы сейчас поедem и я сяду за руль. Конец разговора.

— Ну или мы можем вызвать такси, — сказала тетя Тина.

— Вы понимаете, что значат слова «конец разговора»? — ответил Каллум.

— Я не хочу рисковать жизнью Ким и Дэнни, — сказала тетя Тина. — Вопрос-то всего в паре фунтов.

— Да вы вообще представляете, сколько стоит такси в Рождество? — парировал Каллум и заржал, показывая тем самым, что считает ее дурочкой.

— Какая разница, я заплачú.

— С меня хватит, — пробормотал Каллум. — Уходим. Мама с тетей Тиной ушли в прачечную поговорить, а Каллум отправился за нашей верхней одеждой.

Из прачечной они не выходили лет сто.

Каллум начал колотить в дверь.

— До Уикхема путь неблизкий! — орал он.

Мама вышла с расстроенным лицом. А тетя Тина не вышла вообще.

— Приятно было с вами познакомиться, — сказал Каллум, просунув голову в дверь гостиной, где все сидели и не могли двигаться из-за количества съеденного.

Мы с мамой быстренько всех обняли и расцеловали и забрались в машину Каллума, которая рванула с места на такой скорости, что гравий полетел из-под колес.

Просто здорово проводим Рождество.

Думаю, этот мужик на радио так не пел бы, окажись он в нашей машине. Напряжение было такое, будто я пришел на площадку за полминуты до того, как двое парней затеяли драку.

— Сбавь скорость, — сказала мама.

Но Каллум, как обычно, не обратил на ее слова никакого внимания. Просто мчался дальше на своей привычной бешеной скорости, словно дорожная полиция в принципе не существует. Я видел его лицо в зеркале. У него были красные зубы в цвет физиономии. Он выглядел вампиром, отправившимся на поиски новой крови. Мама вцепилась в сиденье, костяшки ее пальцев были белыми как снег.

Дома я спросил, можно ли посмотреть телик, но Каллум крикнул, чтобы я шел играть в футбол на заднем дворе. На улице был морозильник, но я послушался. Я включил свет в кухне и попробовал бить пенальти по новым воротам. Но без вратаря в этом занятии не было никакого смысла, поэтому я начал со всей дури лупить мячом по стенке сарая.

Я даже с улицы слышал, как он орет на маму. Меня начало трясти, и не только от холода. Я понять не мог, что мама сделала не так. Она всего лишь сказала, что он слишком много выпил, чтобы садиться за руль. Она лишь хотела сохранить нам жизнь.

Я больше не чувствовал атмосферы Рождества. Для меня это было чистое Дерьмовство. Меня от всего бомбило. Хотелось вернуться к Эми, но к ним на ужин пришли родственники. Я зашел за сарай, сел на мяч и закрыл уши руками.

Чуть позже я почувствовал, что кто-то хлопает меня по плечу.

— Что ты здесь делаешь? — спросила мама.

— На мяче сижу.

— Сделаю тебе чай.

Мы пошли домой. Хозяина и след простыл. Гигантский телик молчал. Каллум ушел в паб.

Мама молчала как убитая, поджигая газ.

— Ты норм, мам?

Она кивнула.

— Чего Каллум так злится?

Мама приложила ладонь ко рту, пытаясь подавить рыдания, но не смогла.

— Не знаю, сынок. Правда, не знаю.

СЕМЬ

Настала весна, и мне исполнилось четырнадцать. За несколько дней до этого день рождения был у Каллума. Мне было неприятно, что мы с ним одного знака зодиака, но что поделаешь.

Он решил устроить вечеринку.

Приехал его брат Иан с женой и тремя детьми. Брат был даже толще Каллума, но не так много улыбался. Еще

приехала его сестра Луиза, худенькая, с татушкой в форме рыбки на ноге. Она была с малышом, едва начавшим ходить, а муж ее, видимо, где-то задержался. Приехала и мама Каллума. Она будто марафон только что пробежала: тяжело дышала и постоянно искала, где присесть. Были и другие люди, но я не запомнил их имен.

Родственники Каллума были не из наших мест, но все же вели себя очень дружелюбно.

— Так значит, ты работаешь в колл-центре, Ким? — сказал Иан, баюкая банку пива на груди, как ребенка. — Симпатичный у вас акцент в Ньюкасле. Только не проси меня что-нибудь сказать на вашем джорди. Буду как пьяный немец.

Все засмеялись.

Луиза подошла к маме и обняла ее.

— Вы же Ким, да? Мы так много о вас слышали.

— Надеюсь, хорошего, — сказала мама, очевидно нервничая.

— Да, Каллум говорит, что нашел настоящий бриллиант, а не женщину.

Мама широко улыбнулась. Думаю, ей понравилось такое сравнение.

— Каллум умеет быть щедрым, — сказала мама.

— О да, у брата золотое сердце. Он любому готов помочь, — сказала Луиза, глядя на то, как Каллум протягивает своей маме целую тарелку мяса.

Всем как будто бы очень нравился Каллум. Или это из-за того, что все пива выпили?

— Я слышала, Каллум называет тебя «Генералом»? — спросила Луиза, переводя взгляд на меня.

— Ага.

— Ага, ага? Может, ему стоит называть тебя «Пират Деревянная Нога»?

Шуточка не очень. Но мы все равно рассмеялись.

Пока взрослые выпивали и обильно закусывали, я позвал поиграть в футбол десятилетнего сына Иана. Прикольно было попинать с кем-то мяч. Да и вообще он прилично играл для своего мелкого возраста.

В целом прикольный получился день.

В праздничной вечеринке мне показалось странным только то, что на нее пришла исключительно родня Каллума. Из маминых вообще никто не объявился, ни друзей, ни родственников. Может, заняты были.

После этого жизнь потекла по нормальному — или ненормальному — руслу, это как посмотреть. Мама, по-моему, была по-прежнему влюблена в Каллума. Но по сравнению с тем временем, когда мы только переехали, она изменилась. Не так много улыбалась, и ее приятный голос слышался дома все реже и реже, как будто ей больше нечего было сказать. Надо бы ей взять пару уроков болтовни у бабули.

— Мам, ты норм? — спрашивал я.

— Да.

Просто «да», никаких тебе «мне приятна твоя забота, Дэни, все отлично, огромное спасибо».

А еще я заметил, что мама стала реже куда-то ходить. Раньше она гуляла с подружками у пристани, уезжала на весь день к бабушке или пила кофе с тетей Тиной. Теперь она везде ходила только с Каллумом. Не знаю почему. Я же, например, не бросил всех друзей разом из-за того, что начал встречаться с Эми.

Плюс мама влюбилась не только в Каллума, а еще и в выпивку. Когда мы жили с ней вдвоем, я очень редко видел ее с бокалом. Теперь она не могла жить не только без шоколадного печенья. Почти каждый вечер мама глушила алкоголь. Когда Каллум приходил с работы, он сразу наливал ей большой бокал вина. Иногда она даже его не дожидалась. *Глыг глыг глыг*, — булькала бутылка. Не в честь дня рождения или полочки, а просто потому, что на дворе вторник и кончился дождь.

Но даже когда мама была не прочь выпить, Каллум ходил в паб. Всегда в паб, больше никуда. Я нервничал, ожидая его возвращения. Никогда не мог угадать, что он скажет. Или что сделает.

Помню, однажды услышал, как открывается входная дверь. Вместо того чтобы остаться внизу с мамой, Каллум

почему-то поднялся ко мне в комнату. Я его не приглашал и не ждал. Но и остановить не мог. Дом-то его.

— Ну что же, Генерал, — сказал он, тяжело дыша, хотя всего лишь поднялся по лестнице.

Я лежал в постели с маминым ноутбуком.

— Что смотришь?

— «Ютьюб».

Я надеялся, такой ответ его устроит и он уйдет. Но Каллум вошел в комнату. Я почувствовал, как под его весом просела кровать. Почувствовал запах пива и пота.

— Нам нужно поболтать немного.

Я хотел позвать маму. Но что бы она сделала?

— Ты наверняка спрашивал у мамы, почему я на нее кричу, да?

Я почувствовал, что у меня потеют ладони. Он что, собирается наорать на меня? Или ударить?

— Я делаю это только потому, что люблю ее, — сказал он пьяным и невнятным голосом. — Понимаешь, Генерал? Я лишь хочу, чтобы она была счастлива. Но она не всегда понимает меня, не понимает, чего я хочу.

Он подвинулся еще ближе ко мне. Кровать просела еще сильнее, как лодка, что вот-вот опрокинется. Мое сердце стучало как колотушка.

— Из нас получится отличная команда, Генерал. Мне нужно, чтобы ты был на моей стороне. Будешь моим лучшим бомбардиром.

Он наклонился прямо ко мне. Я закрыл глаза. Решил, что он сейчас меня поцелует. Но Каллум только потрепал меня по голове.

— Я столько даю ей. Твоей маме. Я и тебе многое даю. И просто хочу что-то взамен. Чутки послушания, уважения, каплю любви. Я не так уж много прошу, как считаешь?

— Вроде нет.

— Хочу, чтобы ты рассказывал мне, если, например, мама будет разговаривать с теми, с кем не должна. Или ходить туда, куда не стоит. Планировать что-то у меня за спиной.

— Что, например?

— Все что угодно, если это ставит под угрозу сложившийся у нас порядок вещей, Генерал. Я ведь дал тебе вот это все, — сказал он и оглянулся, будто мы находились во дворце, а не в комнате с разбросанным по полу шмотьем. — Мы же не хотим, чтобы все это рухнуло, да?

Я перевел взгляд обратно на «Ютьюб».

— Да?

— Наверное.

— Не наверное, а точно. Так что если увидишь или услышишь, что твоя мама делает что-то необычное и непривычное, первым делом расскажи об этом мне, договорились?

Я никогда бы на такое не согласился.

Он схватил мою голову обеими руками и заставил кивнуть.

— Вот так-то лучше, Дэнни. Помни, мы с тобой одна команда. Мальчики должны держаться вместе.

Он снова потрепал меня по волосам, встал с кровати и ушел.

Я не мог понять, чего он от меня хотел. Чтобы я шпионил за собственной мамой? Зачем ему это? Она работает в колл-центре, не в службе внешней разведки.

После этого короткого разговора Каллум иногда спрашивал меня, не звонила ли мама кому-нибудь, пока его не было дома, и не звонил ли кто-нибудь ей, и не вела ли она себя как-то по-новому.

Я всегда отвечал одинаково: «Без понятия. Я был у себя в комнате». Никогда в жизни я не стал бы стучать на маму.

Пришло лето, и Каллум снял для нас виллу в Испании. Классно было поехать куда-то на каникулах. Мы с мамой нигде не бывали, даже в Карлайле. В тот момент я почувствовал, что мы нормальная семья, мы вместе ехали в отпуск, смеялись, все было как у моих одноклассников. Я понял, что был неправ, когда забивал себе голову дурными мыслями о Каллуме. Ведь чтобы взять кого-то с собой в отпуск, нужно этих людей любить, так? И за меня он полностью платил, хотя я даже не его сын. Разве плохо?

Поехать за границу было почти так же радостно и прикольно, как обниматься с Эми в их садовом сарае. У нас была собственная вилла с бассейном, я жил в комнате, вдвое большей, чем моя спальня дома, и ее окна выходили на горы. Но лучше всего был пляж. Пляжу в Уитли-Бэе до него как до луны. Такое ощущение, что наше море наполняют из холодного крана, а испанское — из горячего. Как же было отпадно нырять с головой и потом не хватать ртом воздух из страха умереть от переохлаждения. Вот бы испанское и наше Северное море поменялись местами!

Об Испании я особо ничего не знал, кроме того, что отсюда «Реал Мадрид» и «Барселона», но в отпуске я обнаружил, что испанцы едят то же самое, что и мы: бургеры, курицу, стейки, пироги, жареную картошку. Как в Гейтсхеде, только жара адская. Маме и Каллуму страшно понравилось наше местечко. Они лежали у бассейна и загорали, ходили в бар, потом немного дремали — и можно уже и похавать сходить. Я купался, смотрел кино и переписывался с Эми.

Я впервые проводил столько времени с Каллумом и, кажется, начинал понимать, почему мама все еще его любит. Он сорил деньгами направо и налево чуть ли не круглые сутки. В последний день Каллум сказал, что хочет угостить нас местной едой. Нашел шикарный ресторан со скатертями, где рис и рыбу подавали на блюде размером с крышку мусорного бака. На вид мне все это не очень понравилось, но вкус был потрясающий. Каллум и мама довольно сильно перебрали и после ужина оба вырубались возле бассейна. Мама проснулась первой и заметила, что Каллум храпит рядом в шезлонге. Из-за выпитого у нее в голове родилась безумная идея.

— Ты уверена, мам? — спросил я, наблюдая, как она разматывает шланг. Но выпитое напрочь лишило маму остатков здравого смысла.

Она просунула шланг Каллуму в шорты и включила воду.

Должно быть, вода была ледяной, потому что он буквально взмыл в небо.

Я ржал как конь.

Мама с Каллумом визжали, когда он гонялся за ней вокруг бассейна.

— А ну иди сюда! — орал он.

Мама бешено хохотала, бегая вокруг бассейна. Поскальзывалась и едва не падала. Из-за того что она была в нетрезвом состоянии, ноги ее не слушались, но и Каллум был ничем не лучше. Его пузо болталось туда-сюда, а он все пытался ее догнать.

Давно я ничего такого ржачного не видел.

Мама поскользнулась на мокром полу, и Каллум наконец ее догнал.

Она все еще хохотала как сумасшедшая.

Затем смех стих.

Рука Каллума крепко обхватила ее шею.

— Отпусти, — сказала мама, и ее голос звучал как-то странно.

Но он не отпустил.

Я видел, что он делает ей больно.

— Отпусти ее! — крикнул я.

— Я думал, вы там на севере крепкие орешки, — сказал он, обхватив жирной рукой мамину шею и сдавливая ее.

Я подбежал к нему, пытаясь схватить его за руку, но он действовал слишком быстро — толкнул меня в грудь свободной рукой, и я упал спиной в бассейн.

Не ожидал такого.

Нахлебался воды.

Выплыл на поверхность, хватая воздух ртом. Не мог достать до дна. Дышать почти не мог. И мама, и я — мы оба задохнулись. Задохнулись.

В глазах все плыло, но я видел, что он все еще не убрал руку с маминой шеи, а мама теперь стояла на коленях. Звуки слышались только от Каллума. Его тяжелое дыхание, когда он сжимал мамину шею. Давил и давил.

Я отдышался и изо всех сил поплыл к лестнице. Я понятия не имел, как мне его остановить. Нужно было оружие.

Вокруг ничего острого не было. Потом я увидел бутылку вина возле шезлонга Каллума. Разобью об его башку. Но не успел я вылезти из бассейна, как Каллум ослабил хватку. Мама упала на землю, у нее было белое лицо и пустой взгляд, ртом она лихорадочно хватала воздух. Слишком перепугалась, чтобы кричать и плакать.

Мне стало плохо. Как будто это меня только что душили.

Он возвышался над мамой. Сжимал кулаки. Как боксер.

А потом перевел взгляд на меня.

— Нельзя никому ничего спускать с рук. Никогда.

ВОСЕМЬ

Обычно я не хочу, чтобы летние каникулы заканчивались, но в этом году ждал начала учебного года изо всех сил. Это означало, что мне не придется быть все время дома, рядом с ним. Была и еще одна причина радоваться возвращению в школу — Эми, единственный человек, который мог отвлечь меня от всего, что произошло.

Они с семьей отдыхали на озере Лох-Ломонд. Она сказала, что в этом году родители не могли себе позволить отдых за границей. Копят на отделку чердака.

— Как тебе в Шотландии? — спросил я.

— Тоска. Дожди лили стеной. А когда заканчивались, на нас нападали стаи комаров и мошек. Залезали во все места.

— Повезло комарикам.

Эми в шутку ткнула меня кулаком.

— И еще этот дом на колесах. Мы застряли в нем на целых две недели. Прямо как в тюрьме.

— Я думал, тебе нравится твоя семья.

— Так и есть. Но это не мешает им действовать мне на нервы. Если папа предложит поехать в Шотландию

и в следующем году, я уйду из дома. — Эми взяла меня за руку. — А ты куда бы хотел со мной поехать?

— Я согласен запереться на пару недель в твоём сарае.

Эми ткнула меня кулаком уже не так игриво.

— Как тебе в Испании?

Хороший вопрос. На девяносто девять процентов всё прошло великолепно, но один-единственный процент перекрыл все остальные проценты. Он испортил все впечатление.

— Было жарко.

— А бассейн ваш выглядел потрясающе.

Мне аж подурнело, когда она это сказала.

— Ага, но в море было лучше. Как в ванную прыгаешь. Разве что не голый.

— Это было бы жестоко по отношению к рыбам.

Её выражение лица внезапно изменилось и из счастливого стало взволнованным.

— Привет, красотка, — послышался голос.

Я обернулся и увидел Дылду Дэйва Барнса. Он перешёл в нашу школу в конце восьмого класса. Когда в класс приходят новенькие, они порой ведут себя так тихо, что их вообще не замечаешь. Так вот Дэйв был не из таких. Вечно языком чесал. Настоящий хулиган. И к тому же ростом выше, чем половина наших учителей.

Эми отвернулась, стараясь не обращать на него внимания.

— Ты не ответила на мои сообщения, — сказал Дылда Дэйв.

— Потому что удалила их сразу после получения.

— А что насчёт фотки, которую я тебе отправил, а? — ухмыльнулся он.

— Стерта.

На секунду мне показалось, что я дома. Происходило то, чего я в упор не понимал, но в чём при этом был вынужден участвовать.

— Какого фига происходит? — спросил я.

— Большого фига, Крофт, — сказал Дылда Дэйв.

Я сжал кулаки. Хотел дать ему по морде. Но боялся не допрыгнуть.

— Не обращай на него внимания, — сказала Эми.

Дылда Дэйв посмотрел на меня сверху вниз.

— И что это есть у него, чего нет у меня?

— Я, — ответила она.

Я рассмеялся.

Думаю, Дылде Дэйву не понравилось, что над ним подшучивают. Но ему не хватало мозгов, чтобы как-то достойно ответить.

— Будем на связи, — сказал Дылда Дэйв, глаза на Эми.

И ушел вразвалочку, по дороге плюя в чужие палисадники.

Я сидел в шоке.

— Что все это значит, Эми?

— Ничего.

— Ничего? Если это ничего, то о «чем-то» мне даже думать противно.

— Он просто шлет мне всякую фигню.

— А номер твой у него откуда?

— У Хлои узнал. Вырвал у нее телефон из рук.

— А тебя это как будто не сильно и беспокоит.

Эми пожала плечами. Как кое-кто хорошо мне знакомый.

— И что это за фотку он тебе послал?

— Дэнни, это мелочи. Я сама справлюсь. А выйдет за рамки приличия, я с мистером Хезерингтоном поговорю.

— По-моему, он уже вышел.

— В школе все друг другу что-то шлют.

— А я не хочу, чтобы он слал что-то тебе.

— Просто остынь, прошу тебя.

Как можно остыть, если кровь в венах аж кипит?

Эми поцеловала меня в раскрасневшееся лицо.

— Не надо так распаляться. Все будет хорошо, Дэнни.

ДЕВЯТЬ

Теперь я беспокоился сразу о двух людях.

Никак не мог понять реакции Эми на поведение Дылды Дэйва. Она что, думала, он просто растворится в воздухе, или ему наскучит ее донимать, или он внезапно переключится на мальчиков? Вот мама моя ничего не делает — и что мы видим? Каллум просто ноги об нее вытирает, как об коврик у двери. Я не хотел, чтобы с Эми произошло что-то подобное.

С тех пор как мы вернулись из Испании, дома у нас все по-прежнему. Он ее чуть не убил, а мама ведет себя так, будто ничего не случилось. Будто это был сон. Но я намертво запомнил каждую секунду. Маме, видимо, нужны очки. Почему она не видит то, что вижу я? Когда он возвращается из паба, с ним страшно оставаться в одной комнате. Он больше ругается, больше орет и впадает в ярость по малейшему поводу. Но мама просто улыбается, все это проглатывает и готовит ему чай, будто все понарошку. Будто он из телика вылез.

Мне это все уже просто мозг выносит.

Однажды я проснулся ночью и услышал грохот и крик. Подумал, нас пытаются ограбить. Втайне понадеялся на это. Две недели назад грабители проникли в дом Карла. Унесли телевизор, микроволновку и диван. Видимо, фургон к дому подогнали.

Я тихо спустился вниз по лестнице и увидел, что в гостиной горит свет. Услышал тихий плач. Я не верю в бога, в отличие от Эми, но притворился, что верю, и придумал молитву: «Пожалуйста, Бог, сделай так, чтобы с мамой все было хорошо».

Я повернул ручку двери. Каллум, должно быть, это заметил.

— Иди в свою комнату, Дэнни! — крикнул он.

Я отдернул ладонь от ручки, как от раскаленного угля.

— Да, возвращайся в постель, Дэнни, — тихо сказала мама.

Я решил, что с ней, видимо, все хорошо, раз может говорить. В Испании было хуже.

Я хотел войти, но испугался, мало ли на что Каллум способен, так что я вернулся в свою комнату и залез под одеяло. Лежал и слушал их. На самом деле не их, а одного Каллума. Почти весь шум производил он один. Время от времени я слышал тихий голос мамы. Процентом пять от всех звуков. Потом ее голос снова затихал. У меня на душе кошки скребли. Как мне это не нравилось! Но что же было делать? Каллум настолько сильнее. Он спихнул меня в бассейн, как бумажный стаканчик.

Я натянул одеяло на голову и наконец уснул.

На следующее утро я надел школьную форму, спустился и быстро заглянул в гостиную. Там все было без изменений, будто ничего не произошло. Я зашел в кухню. Мама стояла у раковины и смотрела на улицу, хотя смотреть там было не на что, сплошной газон.

— Где Каллум? — спросил я.

— На работу ушел.

У меня была куча вопросов, но один, самый главный, стоял первым в этой очереди.

— Что случилось ночью?

Мама медленно повернулась и посмотрела на меня.

— Ничего, Дэнни.

— Мам, я же не идиот. У меня есть уши.

— Дэнни, то, что происходит между нами с Каллумом, касается только нас двоих.

— То есть мне просто надо перевернуться на другой бок и спать спокойно дальше, да? Даже когда он тебя бьет?

— Дэнни, ты тут ни при чем.

— А в Испании? — закричал я. — Тогда я тоже был ни при чем?

— Там я допустила ошибку.

Я засмеялся. Не смог сдержаться.

— Ты просто шланг ему в шорты засунула. Разве это повод тебя душишь?

— Не хочу об этом разговаривать, Дэнни.

— Что это за след у тебя на лице?

Мама отвернулась и начала мыть посуду. Но рукава при этом не закатала. Они тут же стали мокрыми от мыльной воды.

— Он хватал тебя за руки?

Тишина.

Только мыло скрипело на тарелках.

— Ты что, оглохла, как бабушка?

Но она ничего не ответила. Просто мыла и мыла посуду, а с рукавов уже буквально текло.

С меня хватит.

Я вышел из кухни, хлопнув дверью. А потом хлопнул и входной.

Подумал, так теперь и будет. До конца моих дней.

ДЕСЯТЬ

В тот день часы пошли назад. Тогда все разом изменилось.

Я пошел к себе в комнату смотреть «Ютьюб», но настроения не было. Слишком много вопросов — они съедали меня изнутри. Почему Каллум это делает? И почему мама его не останавливает? Я сидел и смотрел на экран. Тишина меня убивала. Мне нужны были ответы.

Я вошел в «Гугл». Продолговатая рамочка ждала вопроса. Что я мог спросить? Может ли кто-то спасти мою маму? Может ли кто-то остановить Каллума? Что делать, если мама не хочет тебя слушать? Говорят, в интернете есть ответы на все вопросы. Может, мне удастся найти объяснение тому, что происходит в моем доме?